

УДК 343.3

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Н. Б. Гулиева

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE DIGNITY AND HONOUR OF AUTHORITIES

N. B. Gulieva

Настоящая статья посвящена исследованию уголовно-правовых норм, характеризующих признаки составов преступлений, посягающих на честь и достоинство представителей власти. Цель работы: указать на имеющиеся противоречия, допущенные законодателем при формулировании исследуемых уголовно-правовых норм, рекомендовать законодателю усовершенствовать некоторые положения норм, помочь правоприменителям правильно интерпретировать содержание норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против чести и достоинства представителей власти. Методы исследования: анализ, синтез, метод сравнительного правоведения. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе. По результатам исследования автор приходит к следующим выводам: законодателю следует придерживаться единых критериев уголовно-правовой защиты чести и достоинства представителей власти, избегая противоречивого формулирования уголовно-правовых норм.

The paper is devoted to studying criminal laws defining the corpus delicti for crimes that infringe on the dignity and honour of authorities. It aims at pointing out some contradictions in the criminal laws under consideration, making recommendations to the legislators to improve some of their provisions, and helping law enforcers to duly interpret the content of the laws criminalizing the infringement on the dignity and honour of authorities. The study uses analysis, synthesis and comparative law methods. It can be applied in law enforcement, academic research and in teaching. As a result of the study, the author concludes that the legislators should use unified criteria for the criminal law protection of the honour and dignity of authorities, avoiding contradictory formulations in criminal laws.

Ключевые слова: представитель власти, оскорбление, честь и достоинство.

Keywords: authorities, offense, dignity and honour.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за посягательство на честь и достоинство представителя власти. Так, часть 2 статьи 297 УК РФ предусматривает ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия. Статья 319 УК РФ предусматривает ответственность за оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде карается по ст. 298.1 УК РФ.

Непосредственным объектом посягательства являются интересы правосудия для преступления, предусмотренного ст. 297 и 298.1 УК РФ и порядок управления для преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ. Дополнительным обязательным объектом являются честь и достоинство человека (*Примечание автора: Некоторые ученые разграничивают такие категории как честь и достоинство человека и честь и достоинство представителя власти. Так, А. А. Розикзода в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой выделяет охраны честь и достоинство представителя власти. «Под правовой категорией «достоинство представителя власти», по мнению автора, следует понимать внутреннюю оценку им своих личностных качеств, умений, позиционирования себя в обществе, учитывая свое должностное положение, развитие, воспитание, мировоззрение и т. п., под «честью представителя власти»*

понимается объективная социально значимая оценка обществом морально-правовых качеств представителя власти (моральная репутация), на которые он опирается, исполняя свои служебные обязанности и в своем поведении вне службы»). [1, с. 18].

Анализируя признаки объективной стороны указанных деяний, можно сделать вывод о том, что законодатель избирательно подходит к конструированию составов преступлений, посягающих на честь и достоинство представителей власти. Так, диспозиция статьи 319 УК РФ предусматривает положение, согласно которому под оскорблением представителя власти понимается *публичное* (выделено мною – Н. Б. Гулиева) оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Согласно же ст. 297 УК РФ неуважение к суду выражается в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия.

Буквальная интерпретация уголовно-правовых норм, характеризующих указанные преступления, означает, что оскорбление представителя власти является преступным и, как следствие, влечет уголовную ответственность только в случае публичного оскорбления. В то время как для привлечения к уголовной ответственности за посягательство на честь и достоинство представителей судебной власти публичности деяния не требуется.

Позиция законодателя представляется несколько противоречивой. По его мнению, посягательство на честь и достоинство представителя власти, совершенное не публично не представляет угрозы для объекта уголовно-правовой охраны. Вместе с тем непублич-

ное посягательство на честь и достоинство судей, присяжных заседателей, иных лиц, участвующих в отправлении правосудия как носителей судебной власти, образует общественно опасное деяние. Чем обусловлена такая позиция, если, например, судьи также являются представителями власти?

В примечании к статье 318 УК РФ раскрывается понятие представителя власти, согласно которому представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. При этом в самом примечании делается указание на то, что данное определение представителя власти распространяет свое действие не только на статью 318, но и на другие статьи Уголовного кодекса.

Стало быть, понятие представителя власти, раскрываемое в примечании к статье 318 УК РФ, распространяет свое действие и на судей.

Может быть, законодатель придает несколько иное значение понятию публичности и связывает публичное оскорбление представителя власти вовсе не количеством присутствующих при этом лиц. Так, преступления, предусмотренные главой 32 Уголовного кодекса, посягают на порядок управления. Е. В. Витман, раскрывая понятие порядка управления, отмечает, что данные преступления совершаются в сфере *публичного* (выделено мною – *Н. Б. Гулиева*) управления. Автор называет ряд особенностей, характеризующих порядок управления:

1. Преступления против порядка управления совершаются в сфере публичного (внеслужебного) управления.

2. Преступления против порядка управления совершаются именно частным лицом, подвластным субъектом, нарушаются те или иные правила организации общественной жизни, изданные властвующим субъектом и адресованные этому самому подвластному субъекту.

3. Нарушение этих правил влечет за собой нарушение в той или иной форме нормальной деятельности органов публичной власти [2, с. 11].

Иными словами, публичный характер в этом смысле подразумевает властный, субординационный, государственный характер деятельности соответствующих органов.

«Оскорбление представителя власти заключается в негативной оценке личности представителя власти и осуществляемой им профессиональной деятельности, являющейся для виновного лица *воплощением системы государственного принуждения* (выделено мною – *Н. Б. Гулиева*), а не его личности в целом» [3]. Преступления против порядка управления посягают на общественные отношения, построенные на принципе субординации, в которых один субъект – властвующий, а другой подчиняющийся. Подобная позиция не вызывает возражений.

Однако, публичность управления и публичность оскорбления не одно и то же.

В толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова термин «публичный» раскрывается

как «совершающийся в присутствии общества, публично, открытый, гласный» [4].

В теории уголовного права понятие публичности раскрывается неоднозначно. Существуют несколько подходов к определению понятия публичности. По мнению Д. А. Бажина, под публичностью можно понимать:

1) обращение к двум и более лицам;

2) обращение ко многим лицам, воспринимаемое в момент его высказывания не только теми, кому субъект преступления его адресовал, но и другими лицами;

3) обращение к широкому кругу лиц, под которым подразумевается большой, но поддающийся определению по численности круг лиц. При этом нижняя граница численности законодателем не указана, но отлична от двух;

4) обращение к неопределенному кругу лиц. Имеется в виду, что аудитория столь велика, что ее численность субъектом преступления не осознается и не конкретизируется [5].

Подобное неоднозначное истолкование понятия публичности и вовсе осложняет квалификацию преступлений, посягающих на честь и достоинство представителей власти. На наш взгляд, законодатель, оперируя термином «публичность», подразумевает обращение к двум и более лицам. Однако каким образом рассчитывать минимальное количество присутствующих при оскорблении представителя власти, если, например, их было двое? Относится ли потерпевший к числу этих двоих или присутствующих при оскорблении лиц должно быть не менее двух наряду с потерпевшим?

Во избежание неоднозначной интерпретации законодателю следовало бы конкретизировать, например, в примечании к статье 319 УК РФ, что следует понимать под публичным оскорблением либо отказаться от этого признака вовсе. Учитывая, что в диспозиции части 2 статьи 297 УК РФ не содержится указания на публичный характер оскорбления судьи, целесообразнее, на наш взгляд, в диспозиции статьи 319 УК РФ и вовсе отказаться от признака публичности оскорбления представителя власти.

Отсутствие указания на публичность оскорбления судьи может быть обусловлено тем, что любое судебное разбирательство всегда предполагает участие нескольких лиц. Например, участниками уголовного судопроизводства помимо председательствующего являются прокурор, потерпевший, адвокат, подсудимый, секретарь судебного заседания. Если истолковывать публичность оскорбления как обращение к двум и более лицам, то судебные заседания всегда публичны. Однако вряд ли законодатель, формулируя признаки данного состава преступления, придавал ему такое значение.

В этой связи возможно следующее видение ситуации. Неуважение к суду предполагает оскорбление судьи или иного лица, участвующего в отправлении правосудия в рамках конкретного судебного разбирательства по делу. Оскорбление же судьи как представителя власти вне судебного заседания, например, в связи с вынесенным по делу решением стороной, проигравшей дело, квалифицируется как оскорбление

представителя власти. А. Бриллиантов, анализируя вопросы квалификации неуважения к суду, также отмечает, что «оскорбление, связанное с отправлением правосудия, но осуществляемое в других условиях, например, публичное оскорбление судьи после полного завершения процесса на почве мести, должно квалифицироваться как оскорбление представителя власти» [6].

Однако не все ученые придерживаются такой позиции. Так, А. Н. Александров полагает, что деятельность судей, присяжных или арбитражных заседателей не ограничивается их участием непосредственно в судебном заседании, поэтому виновные могут оскорбить их как до начала судебного разбирательства, в процессе рассмотрения дела, так и после этого. Автор полагает, что оскорбление лица, участвующего в отправлении правосудия, нанесенное не в судебном заседании, а в другом месте, если оно было связано с деятельностью лица по осуществлению правосудия и с рассмотрением конкретного дела, причиняет вред основному непосредственному объекту. Оскорбление, нанесенное судье, присяжному или арбитражному заседателям вне судебного процесса, но в связи с их исполнением также, по мнению А. Н. Александрова, причиняет ущерб авторитету суда. Далее автор приводит несколько противоречивых суждений о том, что неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства (ч. 1 ст. 297 УК РФ), может быть совершено только в период судебного заседания, в то время как оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ч. 2 ст. 297 УК РФ) – на всех этапах судебного производства, а также в связи с деятельностью лица по осуществлению правосудия, т. е. вне судебного заседания [7].

Подобные противоречивые рассуждения автора свидетельствуют, на наш взгляд, о неверном истолковании уголовно-правовой нормы, характеризующей неуважение к суду.

С. С. Омельченко предлагала и вовсе исключить из уголовного закона ст. 319, а ст. 130 УК РФ дополнить особо квалифицирующими признаками: «оскорбление представителя власти в связи с исполнением служебных обязанностей» и «оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия или участников судебного производства, в связи с рассмотрением дела в суде» [8].

Высказанные автором идеи были предложены до декриминализации оскорбления. Позиция автора заслуживает внимания, хотя определенные возражения все же имеются. Автор предлагала введение двух конкурирующих между собой квалифицирующих признаков, что, по сути, ничем не отличается от существующего положения дел. Единственное отличие сводится к тому, что оскорбление представителя власти в связи с исполнением служебных обязанностей и оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия в настоящее время образуют самостоятельные составы преступлений, посягающие на разные объекты уголовно-правовой охраны. С. С. Омельченко же рекомендовала декриминализировать указанные деяния и включить их в качестве квалифицирующих признаков оскорбления. Каким образом истолковывать

содержание этих квалифицирующих признаков и как их разграничивать автор не указывает. Можно предположить, что оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия или участников судебного производства, в связи с рассмотрением дела в суде имеет место непосредственно в судебном заседании. Если же оскорбление представителя власти имело место вне судебной тяжбы, но в связи со служебной деятельностью последнего, то содеянное квалифицируется как оскорбление представителя власти в связи с исполнением служебных обязанностей. Иное истолкование, на наш взгляд, затруднит объяснение предложенных автором идей. Иначе чем обусловлена необходимость существования двух квалифицирующих признаков в одной и той же статье, предусматривающих уголовную ответственность за оскорбление представителя власти и лиц, отправляющих правосудие.

В то же время С. С. Омельченко не упоминает о публичности оскорбления, что заслуживает внимания, так как отсутствие указания на публичность во многом облегчит буквальное толкование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против чести и достоинства представителей власти.

Следует отметить, что позиция С. С. Омельченко в настоящее время перестала быть актуальной, ибо статья 130 УК РФ «оскорбление» утратила силу согласно Федеральному закону от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Возможно, идея автора устранила бы имеющиеся противоречия, однако декриминализация оскорбления исключает возможность прибегнуть к такому решению проблемы. Однако дискуссия о необходимости криминализации оскорбления не перестает быть актуальной. Нами неоднократно критиковалась позиция законодателя относительно исключения оскорбления из числа преступных деяний.

На наш взгляд, имеющиеся в юридической литературе неоднозначные выводы и предложения относительно интерпретации исследуемых уголовно-правовых норм обусловлены нелогичностью самого законодателя. Законодатель не последователен в формулировании уголовно-правовых норм. Наличие признака публичности оскорбления в одной норме и отсутствие этого признака в другой, неясность понимания термина «публичность» создают определенные трудности в процессе квалификации преступлений.

Подводя итог, отметим, что уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти обеспечивает неприкосновенность таких объектов как интересы правосудия и порядок управления. Неприкосновенность указанных объектов нарушается, в том числе, и посредством посягательства на честь и достоинство представителей власти. Поэтому надлежащим образом обеспеченная уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти гарантирует неприкосновенность интересов правосудия и порядка управления. Законодатель, предусматривая уголовную ответственность за неуважение к суду и оскорбление представителя власти, следует придерживаться единых критериев уголовно-правовой защиты чести и достоинства представителей власти, избегая противоречивого формулирования уголовно-правовых норм.

Литература

1. Розикзода, А. А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей: опыт России и Республики Таджикистан»: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – СПб., 2011. – С. 18.
2. Витман, Е. В. Самоуправство: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Е. В. Витман. – Екатеринбург, 2006.
3. Брагина, А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юр. наук / А. Г. Брагина. – Красноярск, 2006. – 236 с. – Режим доступа: <http://lawtheses.com/ugolovnaya-otvetstvennost-za-oskorblenie-predstavatelya-vlasti>
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – 1935 – 1940 гг. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
5. Бажин, Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве / Д. А. Бажин // РЮЖ. – 2011. – № 2. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Бриллиантов, А. Неуважение к суду: сложные вопросы квалификации / А. Бриллиантов // Уголовное право. – 2011. – № 4. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. Александров, А. Н. Оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, либо участника судебного разбирательства: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / А. Н. Александров. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?-bookID=1464724>
8. Омельченко, С. С. «Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления» / С. С. Омельченко. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovaja-ocenka-klevety-i-oskorblenija.html>

Информация об авторе:

Гулиева Натаван Байрам кызы – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 8(384-2) 58-37-43, natavan-1212@mail.ru.

Natavan B. Gulieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.